
ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Анна КРЕЧЕТОВА

ЛЮДИ И ВРЕМЯ: ОШИБКИ СТРАТЕГИИ 1990-х

Игорь Харичев. Прошлое в наказание. М.: Время, 2022

Плот «Медузы»

О 1990-х годах сегодня говорят и спорят много. В официальной прессе сейчас нередко можно встретить рассуждения о том, что эти годы едва не подвели государство к краху и лишь приход В. В. Путина к власти остановил процесс политического упадка страны.

Анна Валерьевна Кречетова — кандидат филологических наук.

Замечательный сайт «Страдающее средневековье» некоторое время назад запустил на платформе «Телеграм» подкаст с интересным названием: «Тут картины показываем». Шедевры мировой живописи, многие из которых прозвучали когда-то как политический набат, отголоском тех звуков наполняют и наше время.

Теодор Жерико «Плот «Медузы»». Из 150 человек на плоту через 12 дней осталось 15. Среди пассажиров были массовые случаи каннибализма... Причем, как известно, человек не может умереть от голода за 10–12 дней. Что же расчеловечило тех, кто остался на плоту, заставило их позабыть о сострадании, о вечной заповеди, данной человеку, — «не убий»? Да, как известно, морской закон разрешает людоедство в экстремальных обстоятельствах, приводящих на грань жизни и смерти. Но от этого как-то не становится легче...

Несомненно, сегодняшнее время — трагическое. Процессы политической поляризации быстро совершаются в России — и многие не знают иногда, на что опереться — понятия добра и зла привлекают к себе сегодня все больше внимания и вновь требуют от нас четкого осмысления. Почти каждый сейчас снова обращается к вопросам, ответы на которые мы, наверное, уже давали себе когда-то. Один из чеховских героев, как известно, сказал: «Никто не знает настоящей правды» (повесть «Дуэль»). Но действительно ли это так: на самом ли деле добро и зло — понятия относительные, и все зависит лишь от точки отсчета?

В издательстве «Время» недавно вышла книга Игоря Харичева «Прошлое в наказание». Автор размышляет над общефилософскими и этическими проблемами применительно к настоящему и прошлому. Размышляет над вопросами, ответы на которые, возможно, укажут нам, как жить дальше...

Да, непримиримые и ожесточенные споры вызывает период 1990-х — «неведомое для многих время», как пишет в предисловии к книге Мариэтта Омаровна Чудакова. Действительно, в эти годы произошел распад огромной страны — что многими воспринимается как негатив. Действительно, 1990-е стали тяжелым испытанием — именно в эти годы происходил процесс быстрого, не всегда понятного обогащения одних и обеднения других. Правительство в тот период сделало немало ошибок. Но все-таки оно — и это бесспорно — было открыто к обновлению, к процессу демократизации общества.

Центральный персонаж романа многие события воспринимает сквозь призму музыки. «Любому ходу событий соответствует некая музыка, — размышляет автор, — ее можно назвать естественной, и ей легко находят аналоги из того, что успели за многие столетия насочинить композиторы». Трагичная или спокойная, возвышенная или сумбурная, дисгармоничная, но всегда прекрасная, как отражение высшей гармонии, музыка наполняет наш мир. По словам автора книги, «она напрямую говорит с душой. Мы чувствуем ее, но не можем объяснить, мелодия передает эмоции». «Музыка сама находит меня. Она возникает из ничего. Из быстролетного ощущения, из шороха листьев или ритма шагов».

Я задаю вопрос автору книги:

— Игорь Александрович, почему вы пришли в политику — вы же физик?

— Интерес к политике, конечно, всегда был. Но в том памятном для многих 1989-м, когда появились возможности, многие физики туда и пошли. Причем, что интересно, математиков среди политиков не было. Если взять Москву — Лев Пономарев, Аркадий Мурашов, Евгений Савостьянов и еще целый ряд людей, которые были физиками, почему-то больший интерес к политике проявляли, чем математики. Вероятно, потому что это иной склад мышления: настоящий математик, он все-таки больше абстракциями живет. Я все-таки не знаю математиков, чтобы они политикой занимались. А вот физиков тогда много было. Вот Анатолий Шаббат, народный депутат, яркий представитель демократического движения. Но это один из немногих людей, кто потом вер-

нулся в науку. А большинство не вернулись. Скажем, Лев Пономарев — он полностью посвятил себя правозащитному движению.

Книга И. А. Харичева отчасти документальна, хотя это не публицистика, а роман, произведение художественное, с интересно выстроенным сюжетом. Автор участвовал в защите Белого дома в 1991 году — был одним из тех, кто руководил массовым выступлением людей, не допустивших прихода коммунистов-консерваторов к власти. Люди связывали с перестройкой лучшие, самые задушевные чаяния и надежды. И многим верилось, что Россия вскоре встанет в один ряд с западными демократическими странами, создаст свободную рыночную экономику, эффективный избирательный механизм. Но надеждам этим до настоящего времени не суждено сбыться. И все-таки почему?..

«Ты — враг, — сказал мне давний друг.

За словами моего друга о том, что я враг, стояла ненависть к тем, кто другой. За ней обычно следуют весьма конкретные действия. В тысяча девятьсот семнадцатом ненависть породила гражданскую войну...»

«Тот, у кого нет музыки в душе...»

Действительно, в 1990-е советская экономическая система была в большой степени разрушена. Но согласимся, что она, вообще-то, и была в значительной степени неэффективна: основанная на экстенсивном способе производства, на простом использовании сырьевых ресурсов вместо создания наукоемких технологий, советская экономическая система была негибкой, малоэффективной, закрытой для серьезных перемен. В 1990-е годы вместо нее начинали действовать новые финансовые механизмы, зарождался рынок, формировались новые связи, налаживались торговые отношения с зарубежными странами. Насколько эффективно — другой вопрос. Да, несомненно, в 1990-е произошел всплеск криминала: почувствовав свободу, некоторая часть общества не сумела остаться в рамках закона, да и сами законы лишь вырабатывались — все менялось, страна обновлялась.

Большинство населения нашей необъятной Родины сегодня не очень хорошо представляет себе, как развивались события в Москве в недолгий период горбачевско-ельцинской перестройки. По телевизору в конце 1980-х — начале 1990-х показывали, как однажды в окружении друзей и соратников выступал на танке будущий президент России Борис Ельцин. Одним из его сподвижников и является Игорь Харичев.

Он показывает то, как весенним половодьем захлестнул бескрайние просторы России процесс обновления, запущенный Горбачевым и Ельциным. Конечно, воздух свободы, столь непривычный для страны, принес с собой не только живительный кислород. И проблем, несомненно, было множество. Отсутствие стабильности, пауперизация населения, отчасти — упадок нравственный, вызванный исчезновением идеологической составляющей, раньше, как многим казалось, жизненно необходимой, — все это также пришло вместе с перестройкой. Но не в этом ведь должна была заключаться ее суть? Все это, несомненно, были трудности роста. Однако через несколько лет страна, как слабый и безнадежный больной, как будто оказалась привязана к койке и слишком крепко закутана в одеяло...

Роман «Прошлое в наказание» рассказывает о нескольких десятилетиях российской истории, которые, как бы ни пытались мы сейчас их переоценить, войдут в историю периодом борьбы за свободное общество, эпохой веры в грядущие перемены. Автор книги, отдавший не один год журналистике и редакторской работе, — умный, вдумчивый, очень разносторонне одаренный, интеллигентный человек. Физик по образованию, журналист, общественник по призванию, волею судеб — а судьба — это вопрос выбора — он оказался в эпицентре политических событий в 1990-е годы. Игорь Харичев не был в составе правительства, он работал в администрации Б. Н. Ельцина. Он,

к сожалению, редко мог повлиять на происходящее — повлиять так, чтобы изменить ход истории. Да и возможно ли было это?..

С чем же связан сегодняшний отход от лозунгов перестройки? Автор книги показывает, как постепенно надежды сменялись пониманием невозможности разбить стену косности, омертвевших догм в политике, экономике, в понимании того, каким должен быть дальнейший путь развития страны.

Повороты истории

Наша «жизнь в каждый момент имеет свой темп, ритм, свою тональность, свой ритмический рисунок». «Великим событиям соответствует великая музыка»

Рассказчик, который ведет повествование, — фигура не автобиографическая, но от его лица Игорь Александрович высказывает многие собственные мысли.

«Тогда, двадцать четыре года назад, все развивалось бурно, стремительно, вселяя надежду».

Книга И. А. Харичева получилась не просто увлекательной: она — значимое явление в современной литературной жизни. Недаром и предисловие к ней написано одним из лучших литературоведов нашего времени — с Игорем Александровичем Мариэтта Чудакова дружила много лет. Мариэтта Омаровна — сама участник тех событий, о которых рассказывается в романе. В августе 1991-го она была у Белого дома. Потом — входила в Президентский совет, часто общалась с Б. Н. Ельциным. По ее словам, автор берет за основу рассказы словами очевидца о непростом и «самом невнятном для его сегодняшних читателей времени — с 1991-го по 2014 год».

Сейчас часто можно услышать: демократы виноваты в том, что люди плохо жили в 90-е. Но разве это так? Лучшие и многие из тех людей, несомненно, были и оставались идеалистами.

Устав от политических потрясений, некоторые действительно стали нередко обращаться мыслями к брежневскому периоду, идеализируя это время. Как аргумент в спорах о том, какая эпоха лучше, часто приводится понятие «стабильность», сторонники периода застоя говорят о некоей всеобщей социальной обеспеченности — забывая о том, что обеспеченности, по сути дела, не было.

При социализме далеко не было того изобилия товаров, как сейчас. У большинства людей вообще не было собственности — лишь у небольшой части были в собственном владении кооперативные квартиры, дачи, машины либо сельские дома. Да, часть населения жила относительно благополучно — но и она, конечно, не имея, в сущности, практически ничего, не могла быть уверена в завтрашнем дне. Можно согласиться лишь с тем, что более гарантированной была работа — но и найти работу по душе, согласную с требованиями совести, тоже было не всегда просто. «Лучшая стабильность на кладбище», — думает в связи с этим рассказчик.

Нет, очевидно, все-таки напрасно сейчас демократов пытаются ошельмовать, упрощая историю. Ведь она хранит в себе, как известно, немало загадок.

В 1990-е великому советскому народу просто вдруг объявили: «Все, человек человеку больше не брат, как вы, может быть, наивно думали раньше. Социальная сказка закончилась. Это был просто политический застой. И если ты не хочешь или не можешь работать по-настоящему тяжело — почти не оставляя на отдых сил и времени — ты пойдешь на социальное дно. И тут уж без вариантов».

Кем было объявлено — вот это уже другой вопрос. Но — разве именно демократами, как сейчас упорно пытаются показать? Конечно, из-за трудностей реформ 1990-х легко переложить на перестройщиков вину за обеднение части населения. Но очень многое здесь еще, бесспорно, предстоит исследовать. Да и сам термин «демократы»... Ведь это были люди, причем очень разные. В том-то все и дело, что сегодняшняя поляри-

зация общества все очень упрощает. Тогда можно вспомнить, что и президент Путин не один год был в свите Анатолия Собчака. И разве он не считался в то время одним из тех же демократов? Хотя, возможно, в наших органах демократов не может быть по определению...

Рассказчик вспоминает, как создавалось движение «Демократическая Россия», объединившее сотни тысяч людей. «Мы ощущали себя силой, способной сокрушить могущество тирании. Сокрушить без крови, без выстрелов».

И вот стоя перед Белым домом в августе 1991-го, он задает себе вопрос: что будут делать люди, собравшиеся здесь? «...Стоять на пути атакующих? И гибнуть? Будут драться? Чем? Кулаками? Против автоматов? В полной темноте? Глупо. Но никто об этом не думал. Все ждали штурма в полной готовности встретить смерть. Погибнуть, но не отступить».

«На столичных улицах ничего не изменилось. Как всегда, мчались по тротуарам ушедшие в себя горожане, теснились на проезжей части машины. <...> Будто ровным счетом ничего и не произошло». «События все убыстряли свой бег. <...> „В Москву вводят войска“, — разошлось по городу».

Но вот появляется Борис Ельцин — «тот, кого желали слушать и слышать. Кто олицетворял собой мечты, надежды собравшихся здесь». «В этот день многое давалось легко», — говорит автор. Неудивительно — ведь люди сами творили тогда историю, творили свое собственное будущее, свою судьбу. Да, наверное, им тогда было страшно. Как иногда страшно бывает нам сейчас, когда общество все более раскалывается на непримиримые лагеря — что если ситуация выйдет из-под контроля и всю нашу страну захлестнет хаос гражданской войны?..

«Страшный год...»

Но очевидно, не только демократы были виноваты в трагических ошибках, сделанных в тот период.

1993 год. Что мы знаем сейчас о событиях у Белого дома? Практически ничего — источников информации очень мало. Роман восполняет отчасти этот информационный вакуум. Именно поэтому он и оказывается знаковым событием сегодня — не только для российского литературного процесса. Автор хорошо знает и как развивались события во многих республиках бывшего СССР.

Результатом трагического стечения обстоятельств 1993 года оказались многочисленные жертвы. Можно ли было их избежать? — задает вопрос автор. Игорь Харичев видит, что логика развития той драматичной ситуации была во многом закономерна, и он, несомненно, сознает, что если бы к власти пришли противники Ельцина, жертв стало бы в разы больше, но... Для него, для человека, понимающего, что высшая ценность — человеческая жизнь, именно с 1993 года начинается процесс как бы некоего надлома ельцинского периода правления. Словно бы пошатнулась та высшая правда, на которой держалась тогда власть, — механизмы силы, казалось, навсегда уничтоженные, вновь пришли в движение...

Нельзя не признать, что именно этот культ силы, утверждавшийся в то время, во многом был виноват в том, что происходило. Издание трудов Ф. Ницше большими тиражами, помноженное на слабую систему высшей школы, укрепило концепцию вульгарного социального дарвинизма. И согласимся, что эта концепция стала весьма популярной — за отсутствием иной системы ценностей, вполне понятной для народа... Многие из тех, кто ее исповедовал, по-прежнему остались у власти и даже процветают сегодня. Чему же мы удивляемся сейчас?

Рассказчик, человек близкий к Ельцину, видит, как отчеты, реально отражающие положение дел в стране, все более оказываются по каким-то причинам не нужны. Бо-

рис Ельцин, который в конце 1990-х уже был серьезно нездоров, сам все меньше мог принимать политические решения. И эти решения, очевидно, принимались без него. Неудивительно, что героя произведения все чаще охватывают раздумья: демократы, коммунисты и бывшие кагэбэшники перестраивают Россию. Что получится из этого?

«Ненависть прочно поселилась в сердцах людей» — вот что наблюдает рассказчик. Как узнать грань между добром и злом? Убить врага — благо? А если это сосед, брат?..

И снова — мир наполняется трагической музыкой. «Но здесь вот в чем суть, — поясняет автор. — В начале все происходящее герой произведения ассоциирует с музыкой — прекрасной, возвышенной, легкой, тяжелой, но чем дальше, тем меньше остается музыки — время меняется, уходит романтика, уходит ощущение, что музыка наполняет собою жизнь. И потом уже не остается мелодии — только сухой ритм. И вот некоторые события такие, как, например, 6 мая 2012 года, там уже не музыка. Дробь барабанов или даже ощущение, что вообще музыки нет».

Книга И. А. Харичева «Прошлое в наказание» многое может объяснить сегодня. А именно — она вскрывает причины современного состояния российского общества. Автор — один из тех людей, которым не дали продолжить осуществление демократических преобразований. И его голос должен быть услышан. Ведь люди, которые проводили перестройку, сейчас очень мало могут что сказать — по разным причинам.

«Общество не готово к переменам. Народ не готов, он не достиг европейского уровня самосознания — поэтому у нас не может быть, как на Западе», — вот что часто слышал рассказчик во время сворачивания процессов перестройки. Разве не это же самое мы слышим и сейчас? «У России свой путь». Путь-то, конечно, свой. Но почему же опять в изоляции от остального мира?..

«Когда ребенок учится ходить, его водят на помочах». Но как долго должен продлиться этот период? — задает вопрос рассказчик. Задает вопрос — себе и нам. Ответ, очевидно, должен знать тот, кто и удерживает ребенка — российское общество — от самостоятельных шагов. Но кто же это? И насколько он готов предоставить «опекаемому» свободу передвижения?

«Есть такая партия!..»

Вот он, камень преткновения 1990-х, — вопрос о многопартийной системе в стране. Автор подробно рассказывает, как с теми его соратниками, кто надеялся на продолжение перемен в России, они стремились создать партию, широкое народное движение. Причем для создания такой партии у них была не только инициативная группа в Москве. Поддержка в регионах существовала довольно значительная. И многие из сочувствующих были за то, чтоб выделить на создание партии средства — на предвыборную кампанию, на проектную деятельность, на организационную работу. Но вышестоящими контролирующими органами в выделении средств сразу же было отказано — на это необходимо было получить согласие у администрации президента. И вполне понятно, что согласие дано не было. Ну а зачем в России много партий? Пусть их будет четыре, слышит рассказчик: основная, партия власти, коммунисты, которые присутствуют в политическом поле, очевидно, в силу традиции, и две — чисто декоративные. Такая система необходима, чтоб создать видимость многопартийности в стране. Но где же тогда действие демократического механизма? И снова — тот же аргумент, про то, что ребенку еще надо учиться ходить... И хотя ребенок — огромная страна — уже, кажется, вышел из ясельного возраста, ходить самостоятельно ему все еще не дозволено. Более того — иногда кажется, того и гляди, вернуться те печальные времена, при которых «шаг влево, шаг вправо» карались расстрелом...

То есть речь идет о том, что государство, как это ни противоречит ценностям созданной в 1990-е весьма демократичной Конституции, практически полностью контро-

лирует создание партий и движений — может дать прямое указание по сворачиванию их деятельности, вынудить к отказу от финансирования, тем самым, по сути, согласимся, сводя на нет вопрос о развитии демократического диалога в стране.

Я вновь обращаюсь к автору:

— Игорь Александрович, а партия о которой вы говорите, что имеется в виду?

— На самом деле была такая партия — кадетская, партия конституционных демократов.

— Но это очень интересно, ведь еще до революции существовала именно такая партия, ориентированная на Европу. В ее формировании принимали участие известные российские деятели культуры — К. Д. Кавелин, М. М. Стасюлевич, издавался замечательный журнал «Вестник Европы», проводивший либеральную (не без внутреннего страха сейчас употребляю это слово) концепцию «малых дел»...

— Да, была попытка возродить такую партию, и в 2001 году она была создана. В целом ряде регионов она опиралась на предпринимателей, но в 2003 году ей просто ни больше ни меньше как запретили помогать, и губернаторы, которые тогда поддерживали нас, уже не смогли этого делать, поскольку они ведь люди подневольные. Пока мы не дошли до выборов, никто ничего не говорил, но к выборам стало ясно, что это пустая трата времени, потому что если вот так запрещают партию поддерживать, то итог понятен.

Понимаете, при создании партии есть два варианта: или партию создает очень богатый человек — между прочим, ПАРНАС финансировали в складчину Немцов и Касьянов — они как раз имели возможность как-то поддерживать партию. Когда Бориса Немцова убили, партию поддерживал один Касьянов. Другой вариант — это поддержка снизу, вот она у нас была — поддержка региональных организаций. Но когда сказали, что нельзя, то уже они не могли ее финансировать, и мы поняли: все бесполезно.

Брат

Да, несомненно, эпоха первичного накопления капиталов (через 70 лет социализма) оказалась весьма болезненной для российского общества.

Первая чеченская война, за ней — вторая... Увеличение роли военных, силовых структур... И вдруг — взрывы жилых домов в Москве и Волгодонске. Работники спецслужб, недавние сотрудники КГБ — организации, против которой столь яростно выступали либералы — приходят в политику, становятся необходимы, их деятельность выглядит общественно значимой, их работа по наведению порядка в государстве кажется ключевой. Но сейчас стала ли жизнь в России более стабильной?

Да, несомненно, в нулевые нефтяные доходы несколько подняли уровень благосостояния общества. Хотя есть мнение, что общество стало жить лучше именно благодаря тому, что заработали те экономические механизмы, которые формировались в 1990-е...

Образ, сквозной и знаковый в романе, — образ сотрудника спецслужб. Автор не следует зарубежным клише: не рисует этого персонажа неким мистическим злодеем. Более того, этот человек помогает центральному герою — и действительно, тот становится очень обеспеченным человеком, имеет недвижимость в Европе...

Нет, это вполне земной человек, образ его реалистичен и понятен. В романе он является двоюродным братом рассказчика. И снова тема «брата»...

«Сколько раз такое» бывало в истории — что «брат предал брата». И кто-то не может «быть тем, кто предал».

2014 год — именно до этой даты доходит повествование в романе. Дата рубежная, знаковая. За ней — новая страница нашей истории. Страница, о которой Игорь Харичев, несомненно, может рассказать не менее интересно. Его роман читается легко, почти на одном дыхании. Работа, семейные радости, воспитание детей — простые будни обычных людей. Любовная линия в романе — тонкая, нежная и романтическая —

делает произведение интересным даже людям, не интересующимся политикой. По этим причинам читатели не могут не пожелать автору быстрее выпустить продолжение его замечательной книги — а этим продолжением становится не что иное, как наша реальная жизнь...

— Игорь Александрович, какова главная мысль вашего произведения?

— Главную мысль не всегда просто передать в двух словах. Ищите ее в романе. И вот сама эта тема, тема музыки — конечно, все-таки не случайна в нем... Я всегда воспринимал музыку как нечто, иллюстрирующее наши настоящие чувства, эмоции. А музыка может оставлять и двойное впечатление — как «Реквием» Моцарта — звуки, лишаящие надежды и одновременно дающие ее.